

ЛАБЫТНАНГИ

ЖЁЛТЫЙ АЛЬБОМ

Санкт-Петербург
2019

УДК 821.161.1-1(081)
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44
Л12

Лабытнанги. Красный альбом. ISBN 978-5-4462-0111-5. СПб., 2018. 128 с.
Лабытнанги. Чёрный альбом. ISBN 978-5-4462-0095-5. СПб., 2017. 112 с.
Лабытнанги. Белый альбом. ISBN 978-5-4462-0082-5. СПб., 2016. 108 с.

ISBN 978-5-4462-0125-9

БЕГИ, КОРОЛЕВА!

У королевы нервные манеры:
то ей подайте то, то ей подайте сё,
то голову отрубят кавалеру —
плохой любовник и к тому ж осёл!

Мне хорошо — я не король Людовик,
скорее — нечто вроде Бержерака Сирано,
и королеву не прельщает параноик,
и мне в какой-то мере всё равно.

Беги, беги по жизни королева —
пусть эшафоты каплю отдохнут.
У королев престранные манеры,
но как трава — они везде растут.

АКТЁР

Н. М.

Мой друг снимается в кино.
Я так завидую — что плачу!
Я бы сыграл такую роль —
все обрыдались бы от счастья!

Но не зовёт меня никто!
И я играю роль медведя
на утреннике в «Шапито»,
и сам от роли той зверею.

Пугаю рёвом я детей,
и всю их родственную свору.
Вчера кого-то поскорей
из цирка увезли на «скорой».

Директор мне сказал: «Иван,
наш цирк ты доведёшь до краха!
Ты воешь — как Левиафан,
и люди писают от страха!

Ты видишь: стал я сед, как лунь,
благодаря тебе, за номер!
Я только слышу твою жуть...
А если б видел? Тут же помер!»

Он мне про тигров говорил:
мол, тигры ночью спать боятся,
а наш удав Эммануил
сглотнул в испуге чьи-то яйца.

Великий Станиславский прав:
актёр живёт смеясь и плача!
Но как бы мне в кино сыграть?
Ну хоть бы в телепередаче...

БЕЗВОЗДУШНОСТЬ

Являясь лишь одной из маленьких планет
на вашем безразличном небосклоне,
я отражаю только слабый свет,
который еле-еле до меня доходит.

Напрасно посылаю радиосигнал —
мои не проникают позывные;
я отправляю станции — куда
лететь им, глупым, если цели нет отныне?

Сходя по трапу на безжизненный ландшафт,
подумаешь: «Зачем сюда приехал?
Отваливай обратно, астронавт!
Здесь безвоздушно так, что не услышишь эха!»

Следы оставив на космической пыли,
я стану сам космической частицей,
затерянной в неизвестности, вдали
от всех маршрутов ваших звёздных экспедиций.

БЕЗЛИЧНОЕ

Ничего, впрочем, личного: потому что нет вечного.
На базаре вторичного не находится встречного.
Спрос ушёл с раздражением, не найдя предложения.
Предложение пыжилось изменить положение.

Положение портилось и страдало беспомощно,
без взаимности с этикой, отвергающей пошлости.
Вкус настойчиво требовал, как звезды, продолжения,
но попались нелучшие — и, представьте, несмелые,

недостойные, жалкие, без гроша, но с претензией,
и при этом безжалостны, крохоборя на пенсиях!
Находились советники. Приходили из органов —
без зазрения совести в протоколах издёргали.

Приторчишь безголовово, словно Анна Каренина,
с жуткой мыслью в извилине, что висит доколеново:
о, доколе нетленное топят в грязь непотребную
и сжигают на пламени первобытного племени?

БЕЗУМНЫЙ ДЖЕК

В суровом краю на крутом берегу
во власти безжалостных вьюг
живёт человек с редким именем Джек
и пристально смотрит на юг.

С утра до темна на обрыве чудак:
один, без друзей и подруг,
стоит неподвижно и смотрит туда,
где располагается юг.

Чтоб жизнь изменить нужен сущий пустяк!
Собрался бы Джек — как Мальбрук:
три раза на дню самолёты летят
в то место с названием юг.

Но Джек не способен собраться никак:
ум прост или глаз близорук?
Он смотрит и верит в астральный контакт —
что к северу движется юг.

Послушайте, Джек! Поразмыслите, Джек!
Повесьте наивность на крюк!
Полярные льды и сугробовый снег
не тают от взглядов на юг!

Смеяться над Джеком безумным легко,
когда б не замок на сундук,
и только свободна страна облаков,
летящая с ветром на юг!

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

Вот руки — как рыбки,
и глазки — как ртуть.
Не делай ошибки,
не дай обмануть.

Доверься улыбке
и сам улыбнись.
Смешная всё-таки
штука — жизнь.

Лови же, Петруха,
свою Гюльчатай!
Но в прухе проруха —
заваривай чай!

Срываешь одежду?
Привет, Абдулла!
Прощайся с надеждой —
она подвела.

БУДЕТ ЛУЧШЕ

Тебе не лечь со мной на снег — он слишком белый.
Храни меня вдали от всех, раскрасив мелом.

Я — Арлекин, и я — Пьеро, и — Буратино:
смеюсь и плачу, и при том мой нос так длинен.

Внутри тебя чуть-чуть меня, небезответно,—
остатки мелкого дождя на крыше летом.

Мой след исчезнет на песке случайных строчек,
в чернильном знаке на руке, что смоешь ночью.

Мой ангел не на небесах — с тобою рядом,
и, знаешь, у него в глазах ни грамма яда.

И, если хочешь, обо мне совсем не думай.
Я не настаиваю, нет,— но лучше будет.

ВАТЕРЛОО

А. З.

Твоя душа, как сейф в швейцарском банке,
непробиваемо забронирована,
а я — смеюсь, хотя на полубаке
зияет огромная пробоина.

Я — капитан пиратской вольной шхуны,
команда — карандашники точёные.
Мы рвёмся в бой, но подлая фортуна
прохладно к нам, по-моему, настроена.

Видать, у нас силёнок маловато!
Как волк — обложен бригами по-чёрному!
А ты стоишь на палубе фрегата
расслабленно под музыку мажорную.

Не попадают выстрелы по целям —
то недалёт, то перелёт! Все — промахи!
Пора линять быстрее без канители,
а мы дерёмся до конца — как олухи.

Похоже, что мы влопались! Не смыться!
На плахе срубят бошку бестолковую...
И сорок пять знамён Аустерлица
пробоину не затыкают Ватерлоо!

ВИНО И ПИВО

Т. С.

Ты почему-то пьёшь вино,
я — почему-то только пиво.
Ты знаешь в этой жизни толк,
а я — не вижу перспективы.

По-видимому, этот день
закончится ничем, как будто.
Я выгляжу — как старый пенёк
и то, что делаю — так глупо!

Так бесится в тоске марал,
застряв рогами в чаще леса.
Как зауряден мой финал!
Чем необычна эта пьеса?

Не упрекай и не зови,
и не рассчитывай на чудо!
Печальны поиски любви —
забытых поцелуев в губы!

ВОДОЛАЗНОЕ

А.Р.

Невозможно прикоснуться к телу, всунутому в панцирь
из штампованной резины иль ещё какой фигни,
безусловно, понимая Гильденстерна с Розенкранцем —
двух предателей наивных и приятелей моих.

К сожалению, преграды для того и существуют,
чтоб их преодолевали, даже если это дело
неуместно и смешно,
потому что пробивая крепость танка броневую,
получаешь в результате обладанье существом

удивительно порочным, разрушительно опасным,
к глупостям неистощимым, но при этом и при том
навсегда неисправимым, ядовито развращённым,
обладающим неверным и испорченным умом.

Рыбка золотая плачет — ей не справиться с задачей:
осчастливить — неудача, без пол-литры — жизнь никак!
И уходит в глубь морскую... А старик всю тоскует,
добывая пропитанье, надрываясь за пятак.

ВОЗВЫШЕННОЕ

Непотребно возвышенно обращаюсь к Всевышнему:
Если есть что-то лишнее — дайте дяденьке нищему!
Но не слышно Всевышнему. Может, с ложкой

над пищу
он застыл пересыщено, размышляя, как бывшая?

Ройте яму усопшие под безвестными днищами,
горожане проспавшие, всё что можно пропившие!
Вы, сто лет ожидавшие одиночества высшего,
лили в рот щи прокисшие, в тапочках, по-домашнему.

В ваших позах напыщенных столько малоподвижного,
извращённо бесстыжего, откровенно убогого!
Но у бога вы просите откровения богова,
да и денег — не тысячу, а бессовестно многого.

И с мечтою несбыточной, но дебильной, по сущности,
вы стоите над пропастью в обжигающей вечности.
Вечность, правда, изменчива, и без жалости
к малости,
потому что отмечена недостаточной верностью.

Или свет без Всевышнего? Кто ж тогда с бородищею?
Эх, товарищи нищие — мухоморы вчерашние!
Вас раздавят, как прыщиков, не моргнув —
сапожищами,
и отправят на «Южное» — очень тёплое кладбище.

ВСТРЕЧА

И. К.

Остаётся только ждать
упоительной минуты,
той, когда придёт опять
до предела долбанутый,
тот решительный момент
откровенно жаркой встречи,
предлагающей билет
грубо взять и обесчестить.

У тебя в глазах восторг,
будто я — букет фиалок
или олимпийский бог:
всё, что хочешь, и навалом.
Я ж искусно притворюсь,
что поверил примитивно,
что доверчив, глуп и плюс,
словно девственник, невинен.

Мой незамутнённый взгляд
бесподобно nepотребен —
так взрывается снаряд
в безразличном синем небе.
Оглушительный финал
салютует всплеском звёздным.
Окончательный провал.
Слишком рано? Слишком поздно!

ВЫ ТАКАЯ ОДНА

Вы такая одна.
Я такой же — один.
Может быть, из окна
смотрите на мужчин.
И какой-то урод
смотрит прямо на вас!
Что за наглый народ!
Вася, вдарь ему в глаз!
Вася мешкать не стал —
быстро пушку достал.
А урод убежал.
Видно, трус и нахал.
Я стою у окна,
не пойму я никак:
вы такая одна...
Ну, а Вася же как?

ГОЛУБИНОЕ

Л. Ю.

Ах, голубь-голубь-голубочек,
тебя лелеют и голубят,
и пишут ласковые строчки,
что я завидую, ревную.

Хотя я вру, как сивый мерин,
и падок на красивых женщин,
но отвратительно уверен —
любовь мужчину изувечит:

заставит изменить привычкам,
принудит к делу и заботам,
шалых друзей возьмёт в кавычки,
чтоб понедельник стал субботой,

отправит в лавочку за хлебом...
И — полетел мой милый голубь...
Но не смотри в ночное небо,
где чёрный мрак и жуткий холод.

ГОСПОДИН НАОБОРОТ

Господин Наоборот
никому-нигде-не-врёт!

Если охает и плачет —
значит, дико рад, как мальчик!

Если радуется он —
значит, плохо — из рук вон!

Если он сорит деньгами —
значит, денег нет в кармане.

Если скажет, что влюблён —
значит, безразличен он.

Если встретит с хмурой рожей —
значит, без тебя не может.

Изумляется народ:
«Кто ж такого разберёт?»

Господин Наоборот
никогда-нигде-не-врёт!

У него такой подход:
делать всё наоборот!

ГУТЕНМОРГЕН

Е. М.

До свиданья, Гутенморген, друг словарного безделья,
собутыльник, бабник, сплетник,
отвратительный злодей,
доставальщик потолочный, неуёмный и порочный,
лицедей и врун липучий, как универсальный клей.

Видя бугорки на теле обольстительной особы,
не стремись их лапать дланью,
изготовленной к письму,
потому что в этом деле не спеши: подход особый,
чтоб не бегать по аптекам, как известно, почему.

Ежли где-то вдруг воздастся
счастья на минуток двадцать,
позже стыдно, как Иуде за предательство Христа.
Не пасхальные, но яйца, хоть не бьются, но расстаться
с аденомой не желают — просто та простата та!

Струй концлагерно тощает, грудь на вымя совращая,
но не зарься, зверь наш лысый,
на старух трухлявых строй!
Верь: взойдёт она в подвальчик!

Ты ж еще нестарый мальчик:
сгрёб в охапку, в ресторанчик, и опять — как молодой!

ДАФНИС И ХЛОЯ

Скажите мне, нимфы опальных героев,
зачем вы лишаете женщин покоя?
Их жажда огнём жадным, неутолённо,
строкой пулемётной, бьющей в мозг паранойей,
по пятницам тянет на Лысую гору,
на оргии праздные в вихрях позорных,
и, вволю напрыгавшись, с сорванным горлом,
на дно, словно камень, ложатся с айфоном.
Что сделаешь с ними? Железобетонна
и непрошибаема крепость, где гномы
снуют, словно белки, по стенам со стоном,
таская объекты субъектам покорным.
Но мне невдомёк эти странные звоны,
нелепые звуки и крики с балконов.
С мечтой — и нас двое, сражённых любовью,
как Дафнис и Хлоя на зелени хвои.
Одним окрылённы — как Дафнис и Хлоя...

ДЕКАДАНС

В пьяном сумраке комнат тени тихо ложатся на стены.
Звуки шорохом смутным, исчезая, бегут, как вода.
Ожидание завтра — завтра сбудется всё непременно!
Неужели вчера — было только вчера и ушло навсегда?

И, задёрнув портьеры, сядясь в свое кресло устало,
слабый отзвук печали уныло наводит тоску:
«Вы не ждали меня? Ну, скажите, не ждали? Не ждали
в рыхлом комнатном воздухе,
в этом тёмно-вишневом соку?»

К потолку устремляется дым сигаретный, неверный.
Свет идет искривляясь, пугая неясные, зыбкие тени.
То обман или правда? Чему здесь поверить? Кому?

Не сплетается нить из последних ослепших мгновений,
разрывается в вихре увядших причуд и затмений,
неизвестно зачем вызывая себя на войну.

ДЖОМОЛУНГМА

Мой боже, какая же жабья ухмылка у вас!
Я был отодвинут и скован навеки цепями.
Вы ждали подачки, и злоба струилась из глаз,
и мстили мне чёрные ночи, не ставшие днями.

Я был Джомолунгмой, стоящей отдельно от всех.
Ну хоть бы одна — пусть напрасная — птица
 слетела бы мне на ладони!
Да, зря я надеялся, верил в случайный успех —
в меня, как в мишени, стреляли на полигоне!

Мне было не больно, но злая чужая печаль
меня растоптала. Обидно и жутко, и грустно
мне было смотреть в безутешную даль!

И — пусто! Отчаянно пусто!
А вы уходили с победой, задержав вуаль,
неся, как обед на подносе, остывшее чувство.

ДОЛГАЯ ДОРОГА

Мне не дано ни полюбить вас, ни поцеловать.
Что сделаешь? Я наблюдаю. Только наблюдаю.
Так ветер, не касаясь, обольщает чью-то гладь,
страдавая бесконечно и напрасно, дорогая.

Мои желания — смешны. До ужаса смешны.
Как переполнен сад моих навязчивых желаний!
Расплывчатых, как сны. Что может быть такого в них?
Вам никакого дела нет до глупостей туманных.

На полдороге развернуться и пойти назад.
И всё-таки куда вела та долгая дорога?
Я мог бы обернуться и поймать внезапный взгляд,
но я не обернусь, не вдохновляясь эпилогом.

Е С Л И

Если нет тебя со мною,
мне не нужно оправданий
изменённых состояний
в перемене настроений,
в Африку беги налево
полуголо и свободно,
в возбуждении счастливом.

Если нет тебя со мною,
мне не нужно обещаний
и бессмысленных признаний
в несомненности любви,
раз природа всё сильнее
требует тебя смелее,
чем иллюзии мои.

Если нет тебя со мною,
заровняй мой скромный холмик
в пыль недолгой нашей связи,
той, которой больше нет,
и вздохни, как уголовник,
выпущенный вдруг на волю
из тюрьмы на яркий свет.

И Г Л А

Ю. Х.

Вы, может быть, мне нравитесь, но я
так много в жизни накрошил ошибок,
поэтому мой ум — коварная змея,
и я молчу, чтоб избежать улыбок
на ваших восхитительных губах.
И вот ваш взгляд скользнул по мне небрежно —
я понимаю ваш ресничный взмах
и отвернулся, потеряв надежду.
Не буду больше ваше время занимать
своим присутствием и болтовнёй не к месту.
Прощайте, милая! Но вспомните меня
когда-нибудь в волшебном королевстве,
куда вас лёгкий ветер, как пушинку, занесёт
на травушку-муравушку у моря,
раскачивающего потихоньку флот,
стоящий верным мужем на приколе.
И всё бы хорошо, но есть одна беда —
та жажда — но к чему? О, знать бы! Невозможно.
И лучше ваше «нет», чем слышать ваше «да»,
которое в меня иглой войдёт под кожу.

ИСКУШЕНИЕ

Резная мебель. Паркет из дуба.
Ты будешь нежной. Я буду грубым.
Ты будешь скромной, газельно-серной.
Грешно, не скрою, жечь порох с серой.
Кто искушает — тот платит дважды.
Как море с сушей. Как слёзы жажды.
Как в чёрном снеге стоять по пояс,
немея в неге, срывая голос.

К ПОДНОЖЬЮ ВАШИХ ГОР

О.Ш.

Я бросил все свои цветы к подножью ваших гор!
Я жил, как нотою одною,— вами!
Я всё забыл, почти полжизни этой стёр —
я снова перед белыми и чистыми листьями.

Мне не везло всегда, но иногда — везёт!
Я чувствую лишь по известным мне приметам,
чего не ждать уже, и что наверняка придёт,
и где рассыплется на капли звёзд комета!

Что ж, этот год прошёл, и многое — прошло.
И мне не быть таким же, как тогда, и всё же —
я счастлив был — пусть это и банально, и смешно!
Я бросил все свои цветы у вашего подножья!

КАК ЗДОРОВО!

Ах, как было бы здорово:
я — князь, вы — графиня.
По пути в будуар вы б забыли боа.
Я б вернулся за ним —
неторопливым павлином,
ожидая вопроса: «О, что это? А!»

Продолжение требует
сцен неприличных:
эротически нервных, непристойных вполне.
Опуская детали
сей жизни столичной,
граф Апраксин с портрета сочувствует мне.

КАМЕРНОЕ

В. К.

О, магия собственной камеры,
снимающей прелести города
и личностей разных покадрово
в три четверти профиля гордого!

Их лица ночными кошмарами
приходят к тебе, по-девчачьему
сжимающей кнопочки мраморным
и тоненьким чувственным пальчиком.

Становится комната камерой —
четыре стены одиночества,
без скидок обещанных флаером
и сутью ограбленной дочиста.

Лелея тоску лорелейную,
мечтая о счастье несбыточном —
волшебной манящей Вселенною,
смешного, как Бастера Китона,

с убойною силой «Макарова»
и глянцевым блеском журнальчика,
надейтесь на страсть ягуарову
неглупого бодрого мальчика.

КОВАРНОЕ

Ты не думай, что я безнадёжно влюблён —
я легко притворяться умею:
у меня лисьих хитростей целый вагон
и коварства на тысячу змеев!

Простодушно смотрю лучезарной звездой,
улыбаюсь по-детски безвредно.
У меня под плащом есть кинжал золотой
и отмычка для дверки секретной.

Я — великий актёр: луноликим Пьеро
слезоточу свечою из воска,
что мне верит прожжённый Эркюль Пуаро
каждой клеточкой серого мозга.

В шутовском колпаке бубенцами звеню,
словно клоун смеюсь окаянно.
Я могу рассмешить целый полк инженеру
и до слёз рассмеять Несмеяну!

Я признаюсь тебе, что тебя разыграл.
Не могу притворяться — нет силы!
И напрасно я врал и орал, как марал,
потому что любовь изловила.

Потому что любовь изломала меня,
стало сердце черней антрацита.
Ни просвета — туман и крошечная тьма,
и кораблик разбит, как корыто...

Ты согласишься, что я безнадежно влюблен!
Ты согласишься в мою ахинею!
Я ворвусь в твоё ложе троянским конём
и с утра улизну Одиссеем.

КОМПАС

В. З.

Моя дорогая!
Любовь моя к вам неизменна,
как стрелка магнитная компаса!
Без вас моя жизнь
овдовела навеки, бездетно, колхозно, бездарно,
к тому же мой город
развален ужасно, загажен донельзя отбросами.
Мне некуда деться,
но кто ж виноват в этом грязном и диком кошмаре?

Кругом паралич
безнадёжности в стопоре, треморе, ярости
и апатичности.

На глобусе каждое место
горит террористом, прибывшим из Косово,
к тому же мой город
весьма толерантен к бунтующим личностям.
Блуждаю среди понаехавших монстров
весь в ступоре, словно Гагарин из космоса.

Я, видимо, спятил!
Какая любовь? Где? На улице? Площади? Полюсе?
Высоти-выброси-накоси!
Я в белом жабо
торчу джентльменово, словно дубайская башня
с обветренным корпусом,

к тому же мой город
несвеж, как простынка измятая и без романтики
пафоса...

И всё же, моя дорогая,
любовь моя к вам неизменна, как стрелка магнитная
компас!

КАРАГАНДА

И. С.

Жизнь извлекает в шоколаде, как в дерьме,
а, может, и наоборот — различий мало:
кто мается в беде, кто в белом шевроле,
кого-то яркость жизни доконала.

Подруга милая! Нам до скончанья дней
того и этого не разгрести завалы!
Ты знаешь, в жидкости, бушующей в Неве,
как в Колыме, нет атомов «бухала».

Хотя они, скорей, присутствуют в тебе,
как, впрочем, и во мне, когда ты наливала,
способствуя при том нетвёрдости в ходьбе
вдоль парапетов мутного канала.

В какой-нибудь дали — где-где? — в Караганде!
найдутся и тебе, и мне — двум маргиналам —
две острые стрелы, направленные вверх
к далёкому беззвёздному порталу.

КРЕСТ И НУЛЬ

Людей, отличных от нуля,
немного в нашем королевстве,
но и на ноль его деля,
что ты получишь? Неизвестно.

На жалкий ноль — жирнящий крест
поставлю, сокращая время,
которое бы тратил без
особенного сожаленья.

На бесконечность разделю
свои нелепые потуги —
пусть близок результат к нулю
согласно правилам науки.

И «Крест & Со», и «Нулик Inc»
нас встретят радостно у входа,
где ни бордо, ни прочий drink
не наливают отчего-то.

КРОКУС

Вы мне так долго не давали,
что мне уже не хочется.
Лежу себе под одеялом.
Спокойный. Как наводчица.

Всю кассу взяли дяди в масках —
ваш банк ограблен дочиста.
Мне — ни копейки вашей ласки,
другим воздались почести.

Обидно и противно только:
как глупо всё растрчено!
Я был посажен на иголку
заточенную в складчину.

Но я ни капли не жалею,
что так попался попусту —
любовь цвела в моих аллеях
неповторимым крокусом!

ЛО

С той, что зовут, возможное, Ло,
с кожей черней самой чёрной сажи,
стою непотребно рядом, около,
не нарушая ткани удивительного пейзажа.

Птичка-ворон (или ещё какая) кружит,
беспилотно снимая жирафоантенны,
словно ножки Джино-Лоллобриджид
совершенные откровенно.

Солнце катится ломтиком жёлтым за горизонт,
заливая красным отсутствие всякой тени,
а я пишу барахло в блокнот,
не испытывая чёрных страстей, к сожалению.

ЛЮБИТЕ!

Любите их беленьких! Любите их чёрненьких!
Любите их рыженьких! Любите их лысеньких!
Морочьте их весело, пока не покойнички,
мальчишки бесстыжие с гитарой паршивенькой!

Потратьте все денежки сполна, до копеечки,
на эту любимую и гадкую женщину!
Куда же ты денешься от Олечки, Нелечки,
Оксаны и Катеньки, и их сумасшествия?

И без сожаления о прожитых годиках,
летающих стремительно сквозь время безвременно,
Монтекки не верю я и левым их ходикам
в часах Капулеттовых с фасадом беременным.

Куда понесло меня в степь сексуальную?
Давно мне местечко готово на кладбище!
А я обнимаю девчонку за талию,
на бога и чёрта смотря вызывающе!

Есть масса возможностей, как мёртвому вылезти
из тьмы безысходности и в чьё-то сознание
проникнуть нейтриново за облаком милости
в разгулы феминности и всеобожания!

Любите их беленьких! Любите их чёрненьких!
Любите их рыженьких! Любите их лысеньких!
Любите в них сразу же всех маленьких чёртиков —
продажных и лживеньких, с улыбочкой лисьенькой!

ЛЮБИТЕЛЬ АЛЛЮЗИЙ

Кто любит водку, кто — мартини, кто — боржоми:
на всех не угодишь за праздничным столом,
кто Льву Толстому предпочёл Сюлли-Прюдома,
но кто такой, скажите мне, Сюлли-Прюдом?

Мои аллюзии всегда неутомимы,
хотя, мне кажется, стреляют наугад.
Ну что, мазила? Не попал сегодня? Мимо!
Ты пролетел, напрасно пущенный снаряд!

Я неизменно извиняюсь в неизбежном,
но низменности нет в неизжитых словах,
каким не изменит неизбалованная нежность!

В них нет избитости и пошлости облезлой,
и той банальности, застывшей, как сова,
что смотрит в светлый мир, но видит только бездну.

МАДАМ ГАСКАР

Н.Д.

Мадам Гаскар: мечтает о загаре.
В Антананариву, что на Мадагаскаре.
Мусьё Гаскар: пьёт жидкость в тёмном баре.
Во рту не сахарный песок и не песок Сахары.

Нашествие незамутнённой драмы:
как хочется деньжат замужней даме!
Но где ж их взять хоть в Кологриве, хоть в Самаре?

Грустна работа в сигаретовом угаре:
клевать на «клаве» календарно коментарно,
не приходя в себя, но замышляя тайно
побег на пляжик тот — измельчено-песчаный.

Страдания несутся поездами,
гремя на стыках, сцепленных болтами,
но не везут мадам Гаскар к Мадагаскару!

И сны мадам Гаскар — одни кошмары:
то — порно, то — бесспорно непопарно.
О, муки адовы под рокот рок-гитары
в гектарах кочегарных ягуаров!

Шестнадцать чисел счёта — не на счёте
и нет подсчёта тягостным расчётам...

МЕДСЕСТРА

Был один — добрый, мягкий,
а другой — злобный, гадкий,
был трусишка-женатик —
нервно жался к стене.

Был студентик с тетрадкой
и брюнет с Петроградки —
всё мечтал о мулатке
и лазурной волне.

И кушетка скрипела
встретив новое тело,
брюки — рядом висели.
Game is over, мой принц!

Но толпа не слабела
в коридоре без дела,
ожидая умелый
и стремительный шприц.

МЁРТВОЕ

О.А.

Это следует отметить, прихватив вина немного,
чтобы пролететь кометой в шлейфах газа, пыли, смога.

Ты — мертва. Зеро. Бывает. Значит,
к жизни равнодушна.
Значит, выведет кривая, забивая клин поглубже

в место мягкого покоя, или же другого места,
где повысятся надои, поражая королевство

беспредельной белизною затуманенного взора,
доводящего больного до постельного позора.

Там, где сходится пустое, горизонт событий меркнет,
но наполнится по новой, если не закрыта дверка.

В точке пламенных событий рвётся ткань
любых препятствий,
как писал поэт Овидий, поощряя блуд и пьянство.

МЕЧТЫ

Феи торчали в безумии,
а Хоттабычи скоблили шеи —
наверное, в полнолуние
мечты приходили неверные.

Рыбки метались бешеные:
в аквариумах им было тесно.
Вели меня сумасшедшие
к чёртовой бабушке лестницы.

Нет, чтобы что-нибудь простенькое
пожелать — и вмиг успокоиться.
Мучительные вопросы
горели под переносицей!

Да, следует быть осторожнее
в желаниях-то. Может, не стоит
в дебри бросаться безбожные,
очертя головой в омут?

МИСТЕРИИ

А. Г.

Нет ничего короче наслаждений
и ничего длинней воспоминаний.
Я пребываю в непотребной лени,
в плену мистерий и её созданий.

Среди моих смешных нагромождений
есть и твоё в одном из очертаний
зеркально искажённых отражений,
запутавшихся в сетке острых граней.

Я нужен был тебе, но — посторонним,
сопровождающим синонимом событий
на фоне дребезжащего смартфона,
что стал любого гада ядовитей.

Ты плакала, смеялась, укоряла,
тряслась в скандалах тихая обитель.
Я был на третьем плане в сериале,
и вместе с тем — неискушённый зритель.

Помилуй бог, мой дорогой Овидий!
Я ухожу, не возвращаясь как предатель.
Кто может скрыть любовь? Не победитель!
Я получил сполна. Но что потратил?

Я пребываю в безобразной лени,
в плену неистребимых привидений:
нет ничего длинней воспоминаний,
нет ничего короче наслаждений.

МОРЗЕ

Без любви, без печали, без слёз,
отплывая в бессмысленный космос
на последнюю встречу. Вопрос.
Или больше не будет вопросов?

Без печали, без слёз, без любви,
в никуда уходя ниоткуда,
зачеркни свою жизнь, визави,
если не было жизни, как будто.

Без того, что могло быть не так,
легче жизнь расстрелять в одиночку.
Здесь поставь восклицательный знак.
Впрочем, можешь поставить и точку.

Без всего. Разбивай зеркала,
чтоб ничьих отражений не видеть,
символически сжавшись в сигнал
«точка, точка, тире, точка, ти... и...»

МОЖЕТ БЫТЬ ЗДЕСЬ?

Ветер листву по проспекту разносит.
Где успокоится сердце моё?
Поздняя осень. Поздняя осень.
Поздняя осень — моё «бытиё».

Может быть — здесь? Может быть — там?
Может — нигде? Может — не нам
светит во тьме ярко звезда?
Может быть — нет, но может быть — да!

Люди живут, как трава на вулкане,
скованны цепью бессмысленных дней.
Толпы стоят на причалах желаний,
как моряки, ждут своих кораблей.

Где ж корабли? Потерялись в тумане?
Или застряли в песке на мели?
Спятить с ума можно от ожиданий,
глазом блуждая в пустынной дали.

Есть ли в любви половинка другая?
Есть! Если сердце разбить пополам.
Сердце — не камень. Сердце — не камень.
Знаете, больно бывает и там.

Ты полагаешь, жизнь — это праздник.
Я соглашаюсь, не споря с тобой.
Но почему же я пью безобразно,
видимо, тот ещё праздничек мой!

Столько ненужного мутит рассудок!
Вертимся зря — ты наврал, Галилей!
Хочется чуда! Хочется чуда!
И отрицать неизбежность смертей!

Перелистни отстранённо страницу
в жизнь немудрёного детского сна,
Где ты, волшебная синяя птица,
птица удачи, летящая к нам?

МУЖЧИНА НА ЧАС

Что может мужчина
вам сделать за час?
Без всякой причины
соседу дать в глаз.
Свинтить пару кранов.
Сломать унитаз.
Разбить что-то в ванной
и несколько ваз.
Сварить быстро кофе,
запив коньяком.
Валяясь на софе,
трепать языком.
Последнее, кстати,
типичней всего.
О, негa кровати...
За час? Ничего!

НА ФОНЕ РАЗВАЛИН

На фоне развалин,
разрушенных зданий
всегда хиросимно найти феминистку.

Я джеймсобондово,
но без заданья,
взираю в спокойствии олимпийском.

Я очень забавен,
а стены нелепы:
ровны кирпичами, стоят неприступно.

А женские выступления
не незаметны,
волнуют внимание, но — недоступны.

НЕНЕЖНОЕ

А.Л.

Вы — добрая барышня,
рисуете что-то там
нежное-нежное-нежное-нежное.
И даже рисуете
ваши картиночки милые-милые
лапульками-ручками
мягкими-мягкими-мягкими-мягкими.
А я-то вообще-то чудовище-чудище
страшное-страшное-страшное-страшное
и барышень нежных-пренежных
хватаю лапищами-граблями
цапками-цапками-цапками-цапками!

Я лезу им в душу
кошмарами мерзкими, дерзкими, зверскими,
плотскими, гадскими,
скользя, словно змей-искуситель,
ужасно-навязчиво, вьедливо-вколото,
вкрадчиво-пакостно,
чтоб дрогнуло где-то сердечко,
заслушавшись жаркого эроса дамскими сказками,
и кровь заразило микробом зловредным —
до сумасшествия безжизнерадостно-сладостно,
яростно-пафосно.

Ах, кисточка девичья — беличья,
пёрышко лёгкое, облачко внешнее, веточка тонкая,
лапочка рыжая,

так нервно дрожит над листочком-простынкой,
простынку-листочек терзая нелепым каракулем,
картинку малюя — но выйдет картинка
во всём откровенно развратная и непотребно
бесстыжая,
и я ухмыльнусь про себя антиямбом,
и антихореем,
и антианапестом,
и антидактилем!

НАДПИСЬ НА МАЙКЕ

Душа просила романтики,
а задница — приключений,
а сердце стучало как маятник,
а мозг плакал от огорчения.
Победа была наказанием
и результат слишком скверный...

А мне нравится маечка «open,
but closed forever for every»!

НОГОГОЛОВОЕ

Обладая одной
обалденной,
откровенно нагой
и такой невероятно
головоногой такой,
не кричи: «Yes, it is!»
и, смеясь, изменись,
и змеись рысью в высь
за другой
обалденной ногой
и такой невозможно
ногонагой,
если ты примитивно
членистоногий,
но на голову
безголовый
и ногоголовый.
Хотя бы немного.

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Дежурный по моргу Редискин
во время ночного дежурства
из тумбочки импортный виски
достал и задумался грустно.

Неплохо бы тяпнуть сто сорок.
Вздохнуть. Закусить шоколадкой.
Взгляд томно отправить вдоль полок,
где трупы лежат по порядку.

Потом закурить сигаретку.
Расслабиться по-компанейски.
Однако компании нету.
Тем более в образе женском.

Внезапное по-экстремистски
дежурного дёрнуло током.
«О, эврика!» — вскрикнул Редискин
и бросился к мраморным полкам...

Охранник больницы Проплешин
в 3:20 вскочил по сигналу:
из морга неслось «Satisfaction»
и в окнах гроза бушевала!

Когда два наряда ввалились
под своды мертвецкого клуба,
их встретил танцпол некрофильный,
застывший в объятьях друг друга.

Был найден дежурный Редискин.
В чём мать родила, но в бахилах.
Лежал он на трупе киргизки,
желая любви легкокрылой.

Потом протокол составляли.
Все трупы — на полки по списку.
О, где ты теперь, сексуальный
маньяк-алкоголик Редискин?

О ПРАКТИЧНЫХ ЖЕНЩИНАХ

О.Б.

Ты — женщина очень практичная,
но небеспособная к глупостям:
как просто отбросить приличия,
напиться безбашенной юности

в какой-нибудь жуткой компании,
сгущающих тьму отморозками,
поэтов в съезжающей мании
по пьяной слезе под берёзками.

Но нет там ни принца, ни рыцаря!
Хотя потрясающе здорово!
Проносится жизнь пестролицево,
картинкой Дали Сальвадоровой.

В потоке несчастных трудящихся,
ругая себя до беспамятства,
наутро в контору потащишься
в страданиях бессмысленных маяться.

И хочется как-то, и колется,
и косится мамка — невеста ведь!
А ночью такая бессонница,
что думаешь — взять и повеситься!

О ХОРОШИХ ЖЕНЩИНАХ

Я не люблю хороших женщин,
предпочитая им продажных.
Продажных женщин, правда, меньше,
и в гости к ним не ходят дважды.

С хорошей женщиной так трудно!
Что нужно ей — сама не знает.
Ей от хорошего так дурно,
но от дурного — расцветает.

Ей нравятся уроды-монстры,
а всё прекрасное противно,
по-человечески простое
не возбуждает креатива.

Смотрите — вот они, гадюки,
ползут по Невскому проспекту!
Молчи! Не издавай ни звука!
Смертельное укуса нету!

ОБОЖАБЕННОЕ

Зачем-то жабу полюбил
всей искорёженной душой.
Теперь хожу — вообще бескрыл,
опухший, словно театр Большой.

Я полюбить бы мог змею,
но, полагаю, не смогу.
Поскольку жабу я люблю,
как поцелуй её сглотнул.

Конечно, жаба — не фонтан
и далеко ей до принцесс,
но если был бы я султан —
я б не завёл других невест.

Я сам уже почти тритон:
лежу на дне в своей норе.
Я мог бы всплыть, но, mille pardon,
я не всплываю в ноябре.

ОБОЛЬСТИТЕЛЬНИЦА

Привет, блудливая подружка —
любительница острых оргий!
Любой тобой обезоружен,
включая трупов в боксах морга.

Они немного неподвижны,
но побелеют от испуга,
когда ты подползёшь поближе,
змееподобная подруга.

Никто не устоит, я знаю,
перед испорченной натурой:
нет в нашем караван-сарае
ни одного, кто был бы мудрым.

Тобой повержен сам Георгий!
Он без копья и лошадёнки,
изображавший образ гордый,
но, оказалось, был нестойким.

А ты отгрохала чертоги,
столь сокрушительных для многих!
Как широка туда дорога,
что сразу думаешь: для Бога!

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Я в гордом одиночестве
стою, сжимая красное.
Мне выпить очень хочется —
с утра хочу ужасно я!

Тут подлетает бодренько:
— Налей стаканчик, дяденька!
— Налю, конечно, тётянька!
— Эх, миленький мой, сладенький!

Вот так и познакомились.
Портвейн — цемент события.
Немедленно устроились
в еёном общежитии.
Хорошая, весёлая —
девчонка с ткацкой фабрики.
Обычная история.
Но нравится мне Наденька!

В цеху друзья-приятели
шутили-зубоскалили:
Какой ты несознательный,
нашёл куда заваливать!
На них не обижаюсь я —
ребята наши честные.
Хотя бывает разное,
но запаadlo не делают.

Семеныч говорит: «Петров,
любовь — одно безумие!»

А знаете, мне хорошо,
когда о ней подумаю.

У бабки я цветы купил —
обычные, ромашечки.

Друг другу просто подошли,
и всё по-настоящему!

ОГНЕННАЯ САЛАМАНДРА

А. Р.

Заколебало быть пятнистой саламандрой!
Любой придурок хочет, чтобы я
была бы как пожарная команда,
которая торчит в тушении огня!

Как будто без огня-пожара нету жизни!
Как будто это очень нужно мне!
Всему виной — мудрила древний — Плиний,
всё глупости писал и сам сгорел в огне!

Ну хоть какая нечисть налила бы пива!
В груди с трудом я подавляю стон...
Горит душа огнём неугасимым!
Но сколько нужно выпить, чтоб залить огонь?

ОДУВАНЧИК

Я — просто одуванчик,
но где ты — добрый мальчик?
Безмерно сексуальный,
ни капли не скандальный,
размеренно манящий,
как бабочка блестящий,
достойный, недоступный,
как Троя, неприступный,
воспитанный и умный?
А ты? Ты — взял и дунул!

ОНА И Я

Она — летает на метле.
А я — стою в углу совково.

Она — гоняет на «метре».
А я, наверное, бестолковый.

Она — вся в поисках мечты.
А я — мечтаю неудачно.

Она — добьётся до «ух-ты»!
А я, наверное, день вчерашний.

Она — решительна. Как танк.
А я — стою и наблюдаю.

Ей — не понять меня никак.
А мне — не объяснить. Я — знаю!

ОРГИИ ВАМПИРОВ

Вампир кровожадный целует с засосом!
Вот так мне и надо в любовном наркозе!

Холодное сердце в руках вурдалака!
Захлопнулась дверца у клетки, однако.

Не вырваться к людям ни днём и ни ночью:
кровавые оргии слишком порочны!

Зато к стоматологу больше не нужно.
Давай поцелую! Боишься за дружбу?

ОСТРЕТРИНА

Л. Ю.

Не каждый поэт в момент опишет вино и закусь,
поскольку интеллигент: с утра — ванна, кофе, тост.
Но сразу же после как — настигнет поэта радость:
плеснуть на косяк бумаг поток водопадных слов.

Кто ж выше его? Никто! Он сам себе Джомолунгма.
Другие — не выше крыши: слабее слова и стиль.
Поэтому брысь, Барто! Полундра! Под лавку, юнга!
Мне срочно пора в Париж на эйфелев острый шпиль.

Хотя ощущать иглу невинным волшебным местом,
рискуя на ней застрять, подобно «энтомоло»,
опасно, но — не умру! А если умру — воскресну!
И всё запишу в тетрадь за подписью «АА Блок».

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Е. М.

Стремленье к музе суеты не терпит,
но требует, как минимум, вина,
поскольку муза — девушка Эвтерпа
и по-любому не любому даст она.

Подкатишь на моторе, типо лорда,
да так, чтоб изумились кореша,
и выползешь вальяжно с гордой мордой,
и отстегнёшь водиле, бабками шурша.

Закуришь смачно. Сплюнешь мимо урны.
Положишь руку музе на седло,
и по-хозяйски оглядев с прищуром
санкт-петербургское болотное село,

встряхнёшься, скажешь грубо непристойность,
и улыбнёшься шпилю, как мужик,
ведь шпилю — шпилево стоять не стоит,
а если не стоит, тогда не шик, а пшик.

Без сожалений. Без нравоучений.
Не гуру, не пророк и не судья.
Но человек. Во многих отношениях.
Пусть точно не во всех. Но это — точно я.

ПИРОЖОК

Не грустите, девушка, у себя в темноте!
Если станет скучно — любите тех,
кто не будет нудно читать мораль,
потому что бабник, трепло и враль!

У тебя есть тело. У меня есть статья.
Если хочешь вместе пойдем гулять.
Я найду тебе миллион рублей,
чтобы ты была хоть чуть-чуть моей!

Ты не дашь потрогать, но даёшь смотреть
только то, что видно почти на треть.
Да сама ты знаешь: кормить волков
нужно телом нежным — не пирожком!

ПОГРОМОТИЧЕСКОЕ

С.Б.

Зов слов моих пустых в невежестве посланий,
подобен точкам в «ё», и обойтись без них
легко способен стих для девушек любых,
но только не для тех изысканных созданий,
что разбирают их в контексте запятых.

Не препираюсь зря на знаках препинаний,
но зная, что споткнусь — и вмиг без головы!
Я умервщлю себя кавычками вдовы,
исправлю «Вы» на «вы» впотьмах языкознаний
и растянусь — тире — в дефис полынь-травы.

Я преданно предам, предел не представляя,
что можно погубить, что можно так предать!
Я перережу нить, отвергнув благодать,
на дыбе вздрагивая телом коллонтайно,
и правила впишу в проклятую тетрадь.

ПОД ЗНАКОМ СОЗВЕЗДИЙ

Я родился под знаком созвездия Бешеных Псов,
ты — под знаком созвездия Мраморных Чокнутых Рыб:
рот закрыт на амбарный замок и железный засов —
несравненный Аид с мёртвой нежностью
каменных глыб.

Ну кому ты нужна, дорогая подруга моя?
Ты всё ищешь влюблённого принца на белом коне?
Как бегут неуклюже деньки твоего бытия!
Но похоже, что счастья, по всей вероятности, нет.

В нашей жуткой ботве процветают одни сорняки,
затирая, что тянется к свету, дрожа стебельком.
Не надейся, мой друг, на поддержку разумной руки,
если хочешь — страдай просто так, не грустя ни о ком.

Размышляя от скуки о жизни, что в чём-то права,
но, возможно, и нет. Впрочем, разницы нет никакой.
Заниматься приятней такой ерундой, как дела,
и смеясь наблюдать в их расстройстве
счастливый застой.

Неуверенный в том, что естественным кажется всем,
не хотел бы тебя огорчать беспросветным письмом.
Можешь текст засчитать безобразным набором лексем,
или — выбросить в печку и сжечь, не жалея о нём.

ПОДКОРКА

А она, по факту, пишет вообще ни о чём,
потому что считает в уме до трёх,
да и те, три, не расплываются — бухучёт
так поставлен неважно и вскользь течёт
по долинам и взгорьям за тот рубеж,
где не ставят в угол за глупый взмах,
и поэтому каждый, кто в чём-то свеж,
превращает листья в дерьмо бумаг,
параллельных цвету и без лица,
отпечатков пальцев на пыльном дне.
Разумей что хочешь в коре яйца,
как Кощей Бессмертный в отраве дней.

П О К А

Ю. А.

Мои бараны блеют невозможно,
но возвращаться к ним — как будто бы нет силы,
хотя куда же деться Парамоше —
азартен и развратен до могилы.

До холода в окоченевших — слово
не так чтоб подходящее к моменту,
и вроде нет в нём ничего такого,
но я не буду говорить про это.

Как в яблоке червяк — любитель метростроя,
так роюсь я, хомяк, в бумажном беспределе,
надеясь (глупо, да?), что скорость геморроя
немного ниже, чем она на самом деле.

Наука, к сожалению, не питает,
высушивая мозги сухофруктно,
и заставляет демон Лопиталья
к нулю сложиться купол парашюта.

ПОЛЁТЫ НА ЛЫСУЮ ГОРУ

Давай устроим оргию, напившись до безумия,
и летаем голыми, как ведьмы в полнолуние?

Ты будешь офигенная в огне бушуя яростном,
разорванная демоном обветренного паруса.

Я буду охренительным с фаллическим стеклярусом
в американском кителе, вальсируя под Штрауса.

Пусть облысеет начисто гора аэродромная
и ляжет за «пожалуйста», животному подобное.

Отбрасывай приличия и цепи ритуальные —
безбрачие девичье под хоры поминальные.

Взметнём квартирку к лешему с ошмётками, обрывками!
Соседи ошалевшие рванут в окошки рыбками.

Гори свеча без копоты, без плача по минувшему!
И не волнуйся, Господи: что сделано — то к лучшему!

ПОРНОПОРТРЕТ

В город выпустили матроса —
ловите льва!
Соглашайся легко и просто,
как дважды два.
Развлекаться с тобою можно,
но только как?
Подорожная бездорожья
ведёт в кабак.
С тихим чувством глубокой лени,
впорхнув в мантию,
ты обтягивала колени
и то, и то.
Беззастенчиво, без изыска,
слегка пьяна.
Насосись-ка до писка виски
одна до дна.
Безобразен портрет с натуры —
мазня-мазнёй,
к извращенцу арт-секс-культуры
ползёт змейей.
Да, бесспорно, порнее порно —
порока нет,
но снимается фильм повторно —
таков сюжет!

ПОСТОЯННОЕ-ОКАЯННОЕ

Л. М.

За постом — пост! За постом — пост!
Я ограничиваю круг.
Молчи, прохвост! Диагноз прост —
еда — мой враг и мне — не друг!

Не пью. Не ем. И не курю.
Смотрю на пищу — как на зло.
Всем говорю про Вифлеем,
про крест Христа, крестя чело.

Христос терпел и нам велел!
И я терплю — не ем, не пью.
Я запираю клюв на ключ,
и ключ тот, как Кощей, храню

в ларце, холодном, словно лёд,
в ларце, белеющем, как мел,
гудящем сутки напролёт
во тьме среди кастрюльных тел.

И в час ночной, крадусь, как тать,
ларец заветный проверять:
вдруг кто-то взял волшебный ключ,
а я о том не буду знать!

С волнением отворив ларец,
я ключ сакральный не нашла,
зато наелась наконец...
О, пропадай моя душа!

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

Как этой осенью холодной славно дышится!
Давай немножечко пройдемся, что ли, листьями шурша?
Я рад и весел, и как будто выпил лишнего,
хотя, на самом деле, я не выпил ни шиша.

Ты поразительно серьёзна. Я — ни капельки!
И ты, смеясь, потом расскажешь всем своим друзьям,
что познакомилась с одним сибирским валенком,
он ахинею нёс такую, домогаясь до тебя.

А я не стану им доказывать обратное,
и пусть они таращат страшно округлённые глаза,
меня ощупывая взглядом неприятеля,
и нажимают на педаль, со скрипом тормозя.

Ты неприступна, словно крепость феодальная!
Вся в напряжении охрана под своей стальной бронёй.
А я — я осенью холодной пьян туманами,
и, может, только в этом преступление моё.

ПЬЯНАЯ МАМА

Е. К.

А пьяная мама? То — радость семьи!
Спокойна она и счастлива!
Ей пофиг проблемы детей и стряпни,
и мужа — футболы и пиво!

Ей так хорошо будет пару часов —
пока не заснёт как придётся,
но утром с калитки срывает засов
пустынное белое солнце.

Как хочется пить! Как головка «бо-бо»!
Как нега бесстыдна кровати!
Но как-то приходится маме, мой бог,
вставать на работу — горбатить!

По-быстрому вмазав в лицо макияж,
сжав волю в кулак — как гранату,
бросаясь под танк вечных купли-продаж
за жалкую, в общем, зарплату,

нальёт! Но не то, что подумали вы!
А кофе! К тому ж — растворимый...
И вечером ввалится с сеткой жратвы,
и скажет: «Приветик, любимый!»

Поэтому — пусть! — пьёт вино и коньяк,
текилу, мартини и водку!
О, женщины, женщины! Счастье — кабак!
А горе — похмелье и только!

ПЯТНАДЦАТЬ СУТОК

Вы — ужасно сексапильны.
Я — предельно эротичен.
Расправляю шумно крылья
и с улыбкою столичной
гордо рею над волнами
молнией — как буревестник,
весь избрызганный стихами,
пенозаливаясь песней!

Вы — намеренно измейны.
Я — довольно аморален.
Ролевое назначение:
бессемейно в вихрях спален,
разлагаясь и разнежась,
ягуарно-анакондно
в мою нежность ваша свежесть
прибывает из Гонконга.
В сингапуровом отпаде
в кимоно стою тойотно
весь в безумия наряде
и встречаю при параде
вашу мать и вашу тётю
и мечтаю о награде.

Саблезубен и отважен,
как Рама-Сука-да-Шиза,
весь, как пойнтер, неподвижен
в ожидании стриптиза.

Вы — как гейша беспредельны.
Я — приличен и тактичен.
Вы — как Ленин обалденны.
Я — как Берия двуличен.
Вы — как Путин, но беспутны.
Я — медвежецки путевый.

Всё. Трындец! Подъём с салютом!
Выпускайте, участковый!

ПРОЩЕ ПРОСТОГО

К.Л.

По первым принципам паранормального письма,
представленного параллельно перпендикулярю,
пытаюсь предсказать последствия, поймав
пугливого приёмника прощальную программу.

Печально понимая призрачность проблем,
приставших по привычке простодушно,
переползаю пропасть пошлых перемен
по показаниям приборов противовоздушных.

Примите, пери, пожелания приятные порой!
Пусть перестанут поминутно пачкать принцев
поклонников полки под пыльной паранджой,
подлейших-проклятуших попрошайек-проходимцев.

Переходя по переправам, против правил, план
препятствий праздных петербургского проспекта,
приму по-пушкински победу, проводив путан
по простыням, признательным подвижному предмету.

РАССТОЯНИЯ

Мне от тебя не нужно ничего.
Ты помяни меня в своей молитве.
Я — умер. Не совсем, конечно. Но мертво,
что в сеть попало на твоей ловитве.

Колокола звонят. Но не по мне.
Поскольку — жив. Хотя я жив иначе,
чем полагается в отрадном полусне,
который ощущает юный мальчик.

Не нужно уговаривать меня,
сгущая мрачность недоразумений,
нелепо предлагая простыни измять,
отбрасывая тени рассуждений.

Я нахожусь совсем недалеко
и ты меня легко коснуться можешь
не только взглядом, но протянутой рукой
и чем-нибудь ещё неосторожно.

Условность расстояний такова,
что близкое способно отдалиться
на расстояние, где не слышны слова,
что выбиты на каменной гробнице.

РЕДКАЯ ПОРОДА

Как сиамскую кошку, я люблю тебя, крошка!
Твоя стройная ножка — это просто угар!
Это — к небу дорожка! Я вздыхаю немножко,
как поэт и прозаик Хулио Кортасар.

Словно сороконожка на гламурной обложке,
я ползу неотложкой по пескам всех Сахар
в край, где киснет морошка в деревянных лукошках
и внутри у матрёшки Бельмондо и Ришар.

Как Антошка с картошкой, торможу на застёжках.
Пальцы, как на гармошке, перебрали удар.
Ты закрыла ладошкой глаз горящих окошки,
охраняя от мошки драгоценный товар.

Обними понарошку Лабытнанги Серёжку!
Приколи, словно брошку, на постельный гектар,
где разлётся Тотошка — чуть побольше горошка
пёсик редкой породы — йорк-терьер-сенбернар.

РОЗОВАТОЕ

Я не знаю, почему
вы приносите мне розы
цвета мёртвого мороза
без намёка и угрозы
чувств безвестных никому.

Я безволен и ленив.
Я расслаблен, словно тесто.
Были б вы моей невестой,
я не находил бы места,
где бы скрыться от любви.

Вашей или чьей другой.
Утомительной и нервной.
Незнакомой с всякой мерой.
Исцарапанный пантерой,
жму затравлено домой.

Вы позвоните. Потом.
Может быть, через неделю.
Чтоб оставить знак на теле,
и сказать, что вы хотели
часть себя внести в мой дом.

Я завариваю чай.
Или кофе? Лучше — виски!
Без закуски. По-английски.
Рву призывную записку,
где интимное «встречай».

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

Людмила, плюньте на Руслана!
Давайте сроем с Черномором!
Руслан — козёл, и денег мало,
а их у Черномора — море!

Гульнём! Развеем грусть по ветру!
Раскрутим карлика на пару!
Наденьте шляпку. Вы — из фетра.
А я — я пыль стряхну с гитары!

По струнам вдарим песней звонкой!
И Пугачёва — пусть заткнётся!
Старуха косит под девчонку,
но голос хриплый из колодца.

Взлетим, как птицы, над простором,
над синем морем-океаном!
Раскрутим карлу Черномора!
И плюньте на фиг на Руслана!

СВЯЩЕННЫЙ БРАК

Брак — священен! Ты — святой!
Я — святая! Что же дальше?
Быстро в койку, дорогой,
и давай, как негр. Без фальши!

На работу и домой,
никаких друзей и пива!
Брак священен, милый мой:
шаг налево и — могила.

Деньги все — неси в семью.
Зарабатывай побольше.
Если бабы пристают —
откажись, скажи — не можешь.

Маме — можешь позвонить.
Скажешь ей, живёшь как в сказке,
что ты счастлив, паразит,
окруженный женской лаской.

Скажешь, дом твой — райский сад.
Но не ври, как сивый мерин.
Если что — молчи в чём сам
недостаточно уверен.

Буду рядом я с тобой
с нежностью и добрым взглядом.
Брак — священен! Ты — святой!
«Рядом!» — я сказала: «Рядом!»

СЕРДЦЕ ХОЧЕТ ЛЮБВИ

Сердце хочет любви, но она не приходит.
Неужели она обойдёт стороной?
Неужели её не бывает в природе?
Или смыта она океанской волной?

Неужели за деньги её покупают?
Сколько стоит? Придумана? Или обман?
Сердце хочет любви. Где её получают?
Это — мистика? Миф? Это — травка-дурман?

Люди любят квартиры и автомобили.
Исключительно любят внимание к себе.
О, моё драгоценное, не полюбили!
Сердце хочет любви! А её что-то нет.

Где-то скрыта, наверно, ошибка в расчётах.
Все по плану, разумно и наверняка.
Сердце хочет любви. Но не любят красоток,
а лягушка в болоте нашла дурака!

А дурак — не дурак, просто любит лягушку.
Под венец, пир горой и конец — c'est la vie...
У меня нет секретов друзья и подружки:
сердце хочет любви — полюби по любви!

СКАЗОЧНЫЕ ЗАМКИ

Я строю сказочные замки из обычного песка. Что сделаешь? Наверное, нет хуже матерьяла. Зато его здесь предостаточно — навалом! Пусть замки разрушает неуклюжая рука!

Пусть их легко разносит холод, ветер, дождь, жара!
Но эти замки, словно безответная любовь,
неистово упорны,
протягивают к небу ветви башен-колоколен,
обваленных до основания вчера.

Меня считают недалёким, странным, чудаком.
Зачем из лёгкого песка я строю зря и бесполезно?
В том нет ни трезвой геометрии,
ни пирамидной бездны,
с которой я, по счастью, незнаком.

Я просто развлекаюсь так, поскольку жизнь — игра. В труде полезном я не вижу толка — весь нервный результат его пылится в барахолке, а я всё строю-строю-строю эти замки, словно детвора.

СКУЛЬПТУРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

С. К.

Вы — восхитительная женщина,
к тому ж бесценное сокровище,
а все мои потуги немощны,
и удивительно беспомощны.

Мне жаль, что ваши ручки нежные
ласкают мраморные статуи.
Не обижаюсь я, конечно, —
они ж ни в чём не виноватые!

Не стать окаменевшей статуей
и добиваться ласки с трепетом!
Не лечь в больничную палату мне
под чёрт-те чьими-то портретами,

чтоб вы взошли в халате беленьком,
как ангел тихий милосердия,
и пожалели бы маленечко
меня за глупое усердие.

СПАСИБО!

Свяжите! Изнасилуйте меня
оргазмы извращённых ощущений!
Как сладострастна тонкая петля
жестоких и изысканных мучений.

Я на коленях приползла к тебе,
мой безобразно гадкий повелитель.
Порви меня! Порви меня везде!
Порви, как белый свет ещё не видел!

Пей кровь мою, безжалостный маньяк!
В пыли и грязи выжги болью тело!
И он вошёл! Как нож, вошёл в меня,
над телом хохоча осатанело!

Но злое нервно вздрогнуло во мне,
и подняло змеиную головку,
и я сама, как будто бы во сне,
ему петлёй обвила шею ловко.

И затянула. Крепко. Как смогла.
Без лишних слов. Бесстрастно. Словно рыба.
В его глазах сгущалась мгла, когда
он прошептал: «Благодарю! Спасибо!»

СМЕРКУРИВШИСЬ

Максимиллианный вечер
с субботой навеки связан.
Галочкою отмечен,
тождеством обезьянным.

Звуки так хрипло-сиренны —
в этом, наверное, цимес.
Стойкою пригвожденный
одиссейное вынес.

Химия портит фигуру,
гипертрофируя форму
алчной девы на туре
в светодрожащей коме.

Анорексия, по сути,
освенцимно-хиросимна.
Я напиваюсь до жути
и не нравлюсь феминам.

Им до утра изгиляться,
вращаться и улыбаться
в ритме тамтамотанца
в ловких ловцовых пальцах.

Я — не ловец прожжённый,
но разгильдяй известный,
вечно неосторожный
в динамизме процесса.

Где ж ты, зеленоглазое
такси колесованное?
Князя вези по грязи
в царство его сонное.

СТАВЬ НА МЕНЯ!

Не стоит ставить на меня:
моя лошадка не приходит первой!
Такие разгильдяи, знаю я,
испепеляют душу и истребляют нервы!

О, как опасно! Риск велик!
За ставку нужно расплатиться жизнью!
Здесь никого не тянут за язык,
напрасно гибнуть заставляя героиню!

Да, эта ставка высока!
Сгоришь в огне — как шведы под Полтавой!
Шампанского себе налей в бокал
и поразмысли — может всё-таки поставить?

СТИХОТВОРЕНИЕ О БОЖЬЕМ ТВОРЕНИИ

О.Р.

Хоттабыч — отдыхай: тебе не быть мужчиной!
И мне, увы, не быть: я список прочитал.
Скажу одно: «Колдун, ты — где-то в середине,
а я далёк, как Марс, от слова идеал».

Да, библия врала, что Бог слепил Адама,
и Еву из ребра адамова склепал.
Скорей, наоборот: слепил себе он даму,
но понял со стыдом — ошибся аксакал!

Затем возник Адам. Несчастный человечек!
Был обречён всю жизнь любить, терпеть, страдать.
И Бог его жалел. По-своему, конечно.
Как мог жалеть отец и где-то в чём-то мать.

Поскольку даже Бог не справился с твореньем,
куда же нам, простым, таким же, как Адам!
Мне написать легко тебе стихотворенье.
Но Еву ублажить? Никак. Не по зубам!

СТРЕЛКА

М. В.

О, как здесь хорошо: коньяк, стихи, девчонки!
Измученной душе чего ещё желать?
Но всё-таки я взял с собой пол-литра водки,
как лётчик — свой бензин для высоты крыла.

Но, впрочем, водки нет. Есть только шумный город,
мерцающий в ночи в сиянии огней,
и одиночества невыносимый голод,
и мысль проклятая и жгучая — о ней!

СУЕТИТЬСЯ БЕСПОЛЕЗНО!

Не питаю иллюзий. Как скала равнодушно
наблюдаю скольжение по отвесной стене.
Людам нравится лезть. Лезьте — раз вам так нужно!
Бесконечный конвейер. Но в лепёшку. И смерть!

Вариантов — как грязи. Не питаю иллюзий.
Наиболее верно — равнодушно играть.
Поиграй, мой хороший, словоблудоаллюзный!
Бесконечный конвейер... Заряжай! Расстрелять!

СЧАСТЬЕ ПОЭТА

В. Ш.

Какое счастье быть поэтом!
Напишешь строчку — и торчишь!
Затем, ликуешь в интернете,
и барабанишь, как малыш.

Куда министру до поэта!
И олигарху — далеко!
Министр киснет в кабинете
и пьёт вообще не молоко.

В чертоге скучно олигарху.
Миллиард рублей — а всё не то!
Стихов-то нет! Здесь дал он маху.
Завидуй, олигарх, Барто!

Сам президент живёт без счастья:
стихи не пишет никогда
и не знаком с деепричастьем,
и не рифмует без труда!

Какое счастье быть поэтом:
любовь — морковь, трава — дрова!
Я напишу ещё об этом!
Когда остынет голова.

ТАДЖ-МАХАЛ

Я, пожалуй, не жалую вас!
Но «пожалуйста» я вам пожалую!
Вас жалея в жестоком «сейчас»,
всё же вас не желая безжалостно.

Вас желали другие, не я:
безнадёжно пожарные жулики
проводжали, возможно, смеясь,
угождая до ужаса жуткому.

Что же? Можете ли избежать,
возбуждаясь в желе обожания,
ежедневных деньжат дележа
и не жалуясь на воздержание?

Вы дрожите, кружась в миражах,
в ожидании изображения.
Где же ходит ваш нежный ходжа?
Может, хадж в Тадж-Махал, к сожалению?

Т О Ж Е

Вы ужасно милы рядом с Царскою ложей.
Я хотел бы быть рядом. В костюме я тоже.
Я вручил бы букет — на Эдем так похожий.
Я подал бы бокал — чтоб мурашки по коже.

Я смотрел бы балет с вдохновлённою рожей,
чтобы вдруг вы подумали: «Боже, о боже!
Сразу виден эстет! Как Есенин Серёжа!
Безусловно поэт и талант! Ну, ведь он же! Ну, он же!»

Я бы бархат ласкал ручкой неосторожной.
Я бы был, как овечка, и в скромности ложной
я бы врал бесконечно, нахально, безбожно,
чтобы в ваши глаза лить свой яд невозможный,

чтобы взгляд ваш рассеялся в бархате ложи,
чтобы бальное платье шуршало тревожно,
чтобы верили мне, шалопаю! Как можно?
Можно, милая! Можно, моя драгоценная! Можно!

У Д А В

М. Ш.

На твоём диване лежит удав —
если хочешь, возьми и помножь на два;
если хочешь — ему отруби башку,
сшей три шляпы и рубашку.
Ударение вдарит в тебя insult —
вызывай бригаду на новый мульт!
Прибежали Шрэки — все в белом как
в туалете нашем рулон бумаг,
повязали в «дурку», кричат «банзай»,
полетели быстро, сиреня, в рай!
Горизонт приблизился и прорезал глаз —
не успел я вытащить в этот раз,
но зато, как стёклышко, всё внутри —
ни миллирентгена и ноль кюри!
Эх, дожидаться б завтрака! А потом —
хоть потоп, но я сейчас не о том...

УЛИТКА

Я — улитка,
и я в ракушке живу.
Не беда, что дом некапитальный:
если стукнут по башке —
слиняю моментально.
Я всё знаю
и отлично понимаю.
Не страшны все звери мне,
пусть грозно воют: «У-у!»
Я — улитка,
и я в ракушке живу!

Ну, раздавят!
Ну, раздавят!
Ну и что?
На единственной подошве —
уползу.
Не заставят!
Не заставят
ни за что!
Разлюбить
виноградную лозу!

ФИЗИЧЕСКАЯ ХИМИЯ

Входя друг в друга, словно жидкость,
мы растворимся без остатка,
как соль, что убивает сытость,
но никогда не станет сладкой.

ФОТОГРАФИЯ

Дорогая, вы на фото поразительно красивы.
Изумительное тело привлекает и манит.
Не на слове, а на деле я — мужчина очень смелый!
И я сразу же подстригся. Очень коротко. И брит

очень гладко — как коленка. Две недели голодания
привели в порядок форму, убивая аппетит.
Вырос сразу на три дюйма без особого старанья.
Записался в космонавты. Удалил аппендицит.

Защитил пять диссертаций. Снял тринадцать
кинофильмов.
Быстро покорил вершины, заодно и дно — глубины
и впридачу — полюса.
Президентом стал всемирным.

Популярней Моны Лизы,
не нуждаясь больше в визах, распевая «Марсельзу»
с алеутом и киргизом, посылаю в космос песню,
предназначенную вам.

Потому что вы, бесспорно, феерически кристальны,
привлекательны — как деньги, в ласке сказочной —
нежны,
обаятельны — безумно, обольстительны — безбрежно,
восхитительны и честны, и, конечно, мне нужны!

ХРАМОТИЧЕСКОЕ

О.Б.

Зачем расписки друг другу в письмах
во тьме стихов?

Да ты сама в том не видишь смысла:
я — не таков!

Прости, конечно, что слишком жестко
гоню слова,
но я не строю стиль на подмостках,
мне — трын-трава.

Твой ангел — белый, мой ангел — чёрный.
Причём здесь цвет?
При том что пропасть: противоломна,
приёма нет.

Ты где-то рядом, стенобетонно
заскалена:
многоколонна, не непреклонна,
но — не видна.

Всех узких трещин на лицах женщин
мне не узнать:
измен из меньших и больших — злейших —
невблагодать.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

А. Р.

Ждёшь царевну? Ждёшь лягушку?
Очень ценная подружка!
Плюнь — и выпей пива кружку,
закусив обычной сушкой!
Ликвидируй сушь, братушка!

Лучше — паперть, сумка, клюшка,
ярость вошки, колкость крошки!
Или зарубить старушку?
За копьё... И мысль-психушка
с часовым рисует вышку.

Но пока что спит «наружка»,
обхватив бедром подушку,
и во сне к менту кормушка
приближается неслышно,
возбуждая, словно вспышка.

Значится, ещё не крышка!
Пусть Амур бежит вприпрыжку
и палит без передышки,
в сердце влюбчивой мартышки,
портя шкурку драной кошки!

Ч А С Ы

Твои глаза на полшестого,
а у меня — двенадцать дня.
Скажите, что же в том плохого,
чем занимались ты и я?

Я побежал домой в семь сорок,
насвистывая, соответственно.
Ну а тебе — в другую сторону.
Решила, что я безответственный.

А через пять часов мы встретились,
случайно как бы, после лекции.
Обычная причина — следствие
эрекции без контрацепции.

Я предложил сходить к Серёге
и два часа смотреть две серии.
И ты пошла, но на пороге
сказала: «Слишком мало времени».

Естественно, мы задержались,
часы ушли в одно мгновение.
Так жизнь прошла. Какая жалость!
Но радость вечная — как День рождения!

ЧЁРТИКИ И ТОРТИКИ

Вы вся такая в беленьком
сидите в вашем чёрненьком,
и, может быть, по телеку
глядите вы на чёртиков.

Но чёртики — не чёрные,
а так себе — зелёные!
Не то чтоб очень вздорные
и мусульмански злобные,

но всё-таки противные,
и возятся по-глупому.
Ну прямо, как политики
на митинге, как будто бы!

Налили б чаю чёртикам?
Ну или всем — по «соточке»?
Послали б их за тортиком,
эскортиком, под горочку!

Гуляй, золотоголовая!
Эй, черти, где вы мелкие?
Споем-ка хором: «I love you,
when you kiss me and welcome me!»

ЧЕТВЕРГ

И. К.

Мой труп по берегу бредёт
с намерением немерянным:
он тень свою засунул в рот
наверно не ко времени.

Ему б повеситься слегка,
но не на чем повеситься,
поскольку тень невелика
в четверг начала месяца.

Мой труп, по-видимому, свеж —
не пахнет гнилью рыбной.
Продам кило своих надежд
задёшево, но с прибылью.

На выручку куплю валун,
чтоб утопиться заживо
и, как паук, совью из мук
я сетку непродажную!

Поймаю души по сети
христосовораспятие,
и попытаюсь совратить —
в смысл бытия их втягивать!

ШАХМАТЫ СО СМЕРТЬЮ

М. В.

Ты — не Каспаров! Тебя мне жаль...
«Твой вид — кошмарный», — сказал бы Аль.
Окостенела и холодна,
ты окосела — не пей вина!

Ты посылаешь отряд на смерть?
Ты что не знаешь эндшпиля сеть?
Здесь вход — копейка, а выход — жизнь!
Все в этой клетке — куда не кинь!

За каждый выдох и каждый вздох
в различных видах берут врасплох,
на всех просторах в любой момент
законов — море, а правды — нет!

Прав тот, кто честно идёт на бой,
на Эвересты под хохот злой.
И в самом чёрном ищи просвет,
ты — обречённый на белый цвет!

Бои без правил — игра с огнём.
Ты проиграла: мой ход — конём!
Без королевы король — вдовец,
без Башлачёва — Череповец.

Пей «Ягуары», сорвав вуаль:
ты — не Каспаров, тебя мне жаль...
Мат — Франкенштейну! Налей, поэт!
Жизнь — беспредельна и смерти — нет!

ЩЕЛКУНЧИК

Когда ваши степи кочующий трактор
распахнет целинным изржавленным плугом,
и в шумном вертепе эректо-вибратор,
нальёт вам невинно водяры, как другу,
то вы не сдавайтесь, как Троя ахейцам,
надеясь на жалость в процессорном сердце,
не будет вам рая с распаханной дверцей —
напрасно прижались, стараясь согреться.
В смартфоне, напичканном всяческой дрянью,
вам так одиноко, что некуда деться!
Загаженный птичками памятник станет
последним оплотом — как белогвардейцу.
Послушай, щелкунчик, ломающий зубы,
на ядрах орешков, засунутых в пластик,
оставь свои штучки для тёлок из клубов
и знойных абреков отеля «Атлантик»!

ЭКСТРАСЕНС

Я прочитаю ваши мысли!
Я назову вас — как хотите!
Я буду храбрым — как Мэл Гибсон!
Вы будете — как Нефертити!

Я буду нежным — как Отелло!
Вы будете — как Дездемона!
В моих объятиях несмело,
неосторожно и влюбленно

пытаться задушить сомненья
о непорочности зачатья:
как удалось Марии-деве
вползти змеёю в это платье?

Взаимоэмоциональна и огромна
любовь-титаник тонет в море:
в безумии напрасном шторма
я не пытаюсь с вами спорить.

Я РИСУЮ ДОЛЛАР

Я рисую быстро. Ты рисуешь долго.
Я рисую доллар. Ты рисуешь Волгу.

Если постараться, то твоё — в музее:
толпы иностранцев приторчат, глаза.

Если не сумеешь — всё не так противно:
сверху нарисуешь новую картину.

Если постараюсь — будет славной вахта:
расправляет парус в море моя яхта!

Если не удастся — где-то в Магадане
буду ковыряться в жуткой, грязной яме.

Я рисую быстро, но сижу — подолгу.
Я сбежал, но выстрел — бац! — и прямо в ногу!

Нарисуй, коллега, мой портрет на память!
Я теперь — калека. Скоро не исправить.

Ты рисуешь долго. Я рисую быстро.
Ты рисуешь Волгу, а я рисую — Питер!

СОДЕРЖАНИЕ

Беги, королева!	3	Любитель аллюзий	39
Актёр	4	Мадам Гаскар	40
Безвоздушность	6	Медсестра	41
Безличное	7	Мёртвое	42
Безумный Джек	8	Мечты	43
Белое солнце пустыни	9	Мистерии	44
Будет лучше	10	Морзе	45
Ватерлоо	11	Может быть здесь?	46
Вино и пиво	12	Мужчина на час	48
Водолазное	13	На фоне развалин	49
Возвышенное	14	Ненужное	50
Встреча	15	Надпись на майке	52
Вы такая одна	16	Ногоголовое	53
Голубиное	17	Ночное дежурство	54
Господин Наоборот	18	О практичных женщинах	56
Гутенморген	19	О хороших женщинах	57
Дафнис и Хлоя	20	Обожаемое	58
Декаданс	21	Обольстительница	59
Джомолунгма	22	Обычная история	60
Долгая дорога	23	Огненная саламандра	62
Если	24	Одуванчик	63
Игла	25	Она и я	64
Искушение	26	Оргии вампиров	65
К подножью ваших гор	27	Остретрина	66
Как здорово!	28	Относительность	67
Камерное	29	Пирожок	68
Коварное	30	Погромотическое	69
Компас	32	Под знаком созвездий	70
Караганда	34	Подкорка	71
Крест и нуль	35	Пока	72
Крокус	36	Полёты на Лысую гору	73
Ло	37	Порнопортрет	74
Любите!	38	Постоянное-окайное	75

Презумпция невиновности . . .76	Суетиться бесполезно!95
Пьяная мама77	Счастье поэта96
Пятнадцать суток78	Тадж-Махал97
Проще простого80	Тоже98
Расстояния81	Удав99
Редкая порода82	Улитка100
Розоватое83	Физическая химия101
Руслан и Людмила84	Фотография102
Священный брак85	Храмотическое103
Сердце хочет любви86	Царевна-лягушка104
Сказочные замки87	Часы105
Скульптурное обращение . . .88	Чёртики и тортики106
Спасибо!89	Четверг107
Смеркуившись90	Шахматы со смертью108
Ставь на меня!92	Щелкунчик109
Стихотворение о божьем творении93	Экстрасенс110
Стрелка94	Я рисую доллар111

Литературно-художественное издание

Лабытнанги. ЖЁЛТЫЙ АЛЬБОМ

Верстальщик *М. И. Вилков*

Корректор *Е. И. Вилкова*

Подписано в печать 21.12.19. Формат 125 × 200 мм.
3,48 уч.-изд. л. Тираж 100 экз. Оригинал-макет под-
готовлен в ООО «Издательский дом „Коло“». 197198,
Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 1/79, оф. 206.
www.kolohouse.ru. Отпечатано в ООО «ИПФ „Рено-
ме“». 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного ка-
нала, д. 40. Тел.: (812) 766-05-66. www.renomespb.ru



9 785446 201259 >

